ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

- Владимир Маяковский
  -
  - Комментарии
    -

Владимир Маяковский
НАРУЖНОСТЬ ВАРШАВЫ

Глаза трудящихся Советского Союза с особым вниманием останавливаются сейчас на Польше. К сожалению, о Польше пишется мало. Во-первых, потому что в Польшу труден доступ советскому писателю. Во-вторых, Польша лежит на полдороге к большим странам, и ее переезжают не задерживаясь.

Поэтому считаю не лишним передать вам некоторые впечатления моего десятидневного пребывания в Варшаве.

Столбцы. Пограничный пункт. То, что называется «шикарное» здание! Белое, как будто с золотом. Как отличается эта станция от наших грязных станциишек! Думаю: если так пойдет и дальше — Польша действительно разбогатела и расправилась. Ничего подобного. Станция — это только пыль в глаза. За этой станцией до самой Варшавы нищий белорусский пейзаж, ничем не отличающийся от беднейших местечек нашего Союза.

Только подъезжая к Варшаве, задолго до нее видишь дым фабричных предместий. Кажется, что поезд долго разгоняется, чтобы влететь в огромный клокочущий город. Однако поезд останавливается у одного из таких предместных зданий. Это — центр. Это — вокзал. Разгон остается разгоном.

Одни поляки называют Варшаву маленьким Парижем. Во всяком случае, это очень маленький Париж. Варшава на Париж похожа так, как киоск Моссельпрома на Сухареву башню. Если парижские бульвары залиты движущимися огнями, то здесь две-три полувертящиеся вывески. Если Париж кишит наряднейшими модницами и модниками, то здесь десяток-другой пижонов кокетничает вышедшими на пенсию модами.

Другие поляки говорят, что Варшава — Москва. Ну, это уже просто ошибка. Москвичи этого никогда не скажут.

Варшава за последний десяток лет строилась мало. Новый парк и пара-другая домов, приглянувшихся мне, были, оказывается, разведены и построены немцами во время оккупации Варшавы. За последнее время строились только безделушки, вроде воинственного сооружения вокруг «неизвестного солдата» да нелепейшего памятника Шопену, подаренного Польше каким-то средних способностей французским скульптором.

Магазины завалены товарами. Еще бы не завалиться! Лодзинский товар потерял российский рынок, а на западном рынке он не может выдержать ни английской, ни немецкой, ни итальянской конкуренции. Внутри страны потребитель тоже не

ахти какой. При страшно низкой заработной плате и при огромном количестве безработных не раскупишься. Впрочем, и завал этот какой-то показной. Я с товарищем бродил по магазинам в поисках пальто. И везде один и тот же ответ: «Нет таких больших, которые нужны большому пану, и нет таких маленьких, которые нужны пану маленькому».

Варшава чрезвычайно широко раскинута. Чуть не в час автомобильной езды мы с трудом добираемся до рабочей окраины.

Если центр города чист и все же кое-как поблескивает и зданиями и прохожими, то здесь грязь, покосившиеся низенькие домишки и оборванная польская и еще больше ободранная еврейская беднота.

Здесь небезопасно появляться в «буржуазном» автомобиле. Здесь за рукава затаскивают в магазин тряпья купить тройку, здесь торгуются из-за каждой картофелины. Зато и отношение здесь к советскому, к «русскому» — иное.

Единственно что общё всем кварталам, всем улицам и дорогам и всей Польше — это несметное количество военных.

Откроешь глаза — сплошное козыряние. Закроешь глаза — сплошной звон шпор. Другие страны, например, только что проеханная Чехословакия, как-то стыдятся военщины, обряжая своих чинов по возможности в штатскую одежду.

Военщина Польши назойлива и криклива. Расширяющиеся вверху, изукрашенные позументами шапки, перья, вздымающиеся и свисающие, штаны с диким выпуском, и целая разукрашенная елка — это грудь в орденах.

На обратном пути мы стояли 5 минут на какой-то станции. Станция, очевидно, не застроилась с самой войны. У вокзала всего одна стена, и на ней утвержден колокол. Позади стены, как-то сбоку, ютились временные «багажная» и «телеграф». Но на фоне этой одной стены все же стояло каких-то четыре разноцветных жандарма.

Граница.

Я видел множество границ. Вернее, не видел: проезжал, не замечая, где кончается одна страна и где начинается другая.

Польскую границу не заметить нельзя — она вся во множестве рядов перевита колючей проволокой.

Но, очевидно, и этого мало.

Еще и еще лежат огромные катушки, ощерившиеся колючками.

Наматывай, сколько влезет…

В кого?

[*1927*]

Комментарии

Наружность Варшавы. Впервые — газ. «Рабочая Москва», М., 1927, 25 июня. Напечатан рядом со стихотворением Маяковского «Польша».

С. Стыкалин